

Lízalová, Ljubov

Лексическое окружение, знаки препинания и выбор интонационных средств при восприятии эмоционального содержания в иностранном тексте

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1992, vol. 41, iss. A40, pp. [77]-84

ISBN 80-210-0547-5

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101380>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЛЮБОВЬ ЛИЗАЛОВА

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ, ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ И ВЫБОР ИНТОНАЦИОННЫХ СРЕДСТВ ПРИ ВОСПРИЯТИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В ИНОСТРАННОМ ТЕКСТЕ

Общеизвестной истиной является то, что интонация — это прежде всего важнейший признак устной речи. „Однако и письменный текст всегда „звучит“ для автора и озвучивается — реально или мысленно — читателем“ (Черемисина, 1989, с. 7). Безусловно. Добавим лишь, что это касается тех случаев, когда и тот и другой — native speaker языка, на котором текст написан. В связи с этим зададимся вопросом, всегда ли правильно и в соответствии со смыслом оригинала „интонирует“ его иностранец-специалист в области определенного языка, и что помогает ему ориентироваться в данном выборе? Ведь, как известно, интонационные средства могут не только влиять на семантику высказывания, но и выражать его эмоциональное содержание.

Напомним, что под интонационными средствами мы понимаем помимо типичности движения тона на интонационном центре и место самого центра в высказывании, а также синтагматическое членение и паузу. Это универсальные средства любого языка, однако, в их использовании каждый отдельно взятый язык выражает свою специфичность и раскрывает свои особенности. Нередко с этим приходится сталкиваться в практике перевода с чешского на русский и наоборот.

В предлагаемой статье мы не будем касаться проблематики фонации текста в широком смысле слова, поскольку эта кропотливая и сложная работа должна выполняться коллективом специалистов. В рамках данной статьи мы хотим лишь обратить внимание на некоторые случаи „звучания“ диалогической речи в тексте и указать на сходства и различия ее „озвучивания“ при переводе на чешский язык.

В своем стремлении сохранить ритм, интонацию и эмоциональность живой диалогической речи автор пытается использовать максимальные средства, иногда прибегая к неожиданному лексико-синтаксическому обороту, эллипсису, речевому фразеологизму, которые в устной форме сопровождаются соответствующими их значению интонационными средствами. Механизмы такой сочетаемости внедряются в сознание носителя языка жизненной практикой. И тем не менее иногда в художественной

литературе встречаются такие места, когда мысль автора не сразу „доходит“ до читателя, поскольку „прозвучала“ для него не так, как этого хотел писатель. Такое недоразумение может произойти в том случае, когда автор, полагаясь на поддержку контекста, использует такой явно разговорный лексико-синтаксический материал, окончательный смысл которому придает лишь правильное использование интонационных средств. Показательны в этом отношении диалоги и внутренние монологи персонажей Й. Шкворецкого. Анализ и попытка их перевода на русский язык носителями чешского языка продемонстрировала явное непонимание некоторых мест чешского оригинала. В качестве примера приведем отрывок из диалога, взятого из произведения Й. Шкворецкого „Prima sezóna“, и его перевод на русский язык, сделанный преподавателями-русистами. Место, о котором идет речь, выделено курсивом:

„To je krása!“ pravila Irena.

Poctivě vzato byla. Jenže já se k ní nikdy nepřiznával. Mým ideálem bylo velkoměsto, aspoň Praha, ale spíš New York, a bary, hotely a tak. *Samozřejmě, že jsem to byl já, bydlet jsem musel v Kostelci.* Ale na to jsem byl od Pána Boha zvyklý.

„Ale ta námaha, než se sem člověk dostane.“

— Красота! восхищалась Ирена.

Честно говоря, да. Однако к этому я никогда не признавался. Моей мечтой был крупный город, хотя бы Прага, но лучше Нью-Йорк, с барами, отелями, представляете. Конечно, это и был я, прожить мне приходилось в Костельце. Но к этому я слава богу привык.

— Но добраться сюда . . .

Мы не будем заниматься анализом ошибок предложенного перевода. Нашей целью было показать, как неправильное интонирование высказывания на родном языке — синтагматическое членение после *samozřejmě* и выбор конклюдивной каденции на нем, так же, как и на местоимении *já* вместо антикаденции — взамен значения первой части высказывания „причина и следствие“ с ироническим оттенком породило значение „утверждение существования субъекта“ в той же части на русском языке, но уже с потерей эмоционального оттенка.

Так произошло потому, что первое, с чего началось восприятие значения анализируемого высказывания было слово *samozřejmě*, содержащее семему чего-то само собою разумеющегося, семему подтверждения чего-то, согласия с чем-то. Запятая также не сослужила добрую службу в данном случае. В этом месте она совсем не является показателем синтагматического членения.

Короче говоря, вместо

Конечно, это и был я, прожить мне приходилось в Костельце.
необходимо было перевести так:

Ну, а потому что это был я, жить мне суждено было в Костельце.

Однако вернемся к ответам на вопросы, которые были поставлены в начале статьи. Чем может руководствоваться при интонировании диалогических текстов читатель-иностранец? Тем более, если речь идет

о высказываниях, к смысловому содержанию которых добавляется и эмоциональное содержание, включающее выражение таких чувств, как восхищение, удивление, испуг, опасение, обида, раздраженность и т. д. Анализируемый материал, а он в данной статье представлен лексико-синтаксическими конструкциями с местоименными словами, был разделен на две группы:

I. Высказывания с лексическим и лексико-синтаксическим „комментированием“ эмоционального содержания. Под лексическим „комментированием“ мы понимаем глаголы, существительные, наречия, междометия и т. д., в лексическом значении которых содержится указание на определенное чувство:

удивиться, с радостью, с грустью, восхищенно и т. д.

Под лексико-синтаксическим „комментированием“ мы понимаем предыдущее или последующее высказывание, которое соответственно либо подготовило почву для выражения какого-то чувства, либо его закрепило:

— Миша опять остался дома. — Как остался? Он же уже здоров.

II. Высказывания со знаками препинания, помогающими на письме отразить чувства или состояние говорящего: многоточие, кавычки, совместное использование вопросительного с восклицательным знаком, тире и т. д.

Первой группе примеров исследуемого лексико-синтаксического материала с позиции интонационно-кинетического комплекса посвятил свою статью и И. Л. Муханов (Муханов, 1989, с. 11). В ней он в частности пишет следующее: „Изучение эмоциональных интонаций в неразрывной связи с их жесто-мимическими коррелятами не только облегчает продуцирование и восприятие эмоциональных высказываний в устной речи, но и способствует также развитию навыков правильного, соответствующего авторскому замыслу интонирования художественного текста. Авторы художественных произведений часто сопровождают реплики персонажей указаниями на жесто-мимическое поведение говорящего, что дает возможность читателю определить не выраженное в самом высказывании эмоциональное и психическое состояние персонажа...“ (Муханов, 1989, с. 16).

Мы позволили себе воспользоваться некоторым из приводимого И. Л. Мухановым материалом, чтобы иметь возможность сравнить его с чешскими эквивалентами и показать, в каком соответствии находятся интонационные средства обоих языков в отражении одной и той же речевой ситуации.

I. 1. В русском языке один и тот же лексико-синтаксический материал — в нашем случае это местоименное слово „какой“ + существительное, — при одном и том же интонационном оформлении (ИК-5, т. е. восходяще-нисходящий тон с двумя вершинами на вопросительном и последнем слове), но с изменением авторской ремарки может выражать как значение восхищения, так и значение разочарования:

— — Какая машина! — с восхищением произнесла Ирена.

— — Какая машина! — разочарованно произнесла Ирена.

В чешском языке данное эмоциональное содержание, подсказанное авторской ремаркой, также можно выразить при помощи одного и того же лексико-синтаксического состава и одного и того же интонационного типа — конклюдивной каденции при интенсивности произношения на гласном центра, но с добавлением и другого интонационного средства, а именно — изменением места интонационного центра:

— To je auto! s nadšením pravila Irena.

— To je auto! smutně pravila Irena.

Если оценка связана с восхищением, то интонационный центр ставится на to:

— To je počasí! nadšeně pravila Irena.

В данном случае интонационный центр может быть поставлен и на существительном, которое произносится с некоторым замедлением. Если же оценка комментируется отрицательно, то интонационный центр находится на je, при этом может быть добавлена и частица ale:

— To je (ale) počasí! zklamaně pravila Irena.

Если в русском языке в подобного рода речевых ситуациях используется конструктор, в нейтральных условиях употребляющийся в качестве вопросительного предложения, ведь таково прямое назначение его лексико-синтаксического состава, и его семантика меняется под влиянием интонационных средств, то в чешском языке эмоциональная оценка реальности обслуживается синтаксическим фразеологизмом с To je (ale)... Поэтому, если в именной части предиката будут лексемы типа blázen (сумасшедший) — To je (ale) blázen. Ну и сумасшедший же он!, — перенос места интонационного центра в чешском примере не меняет значения позитивный : негативный, а лишь ослабляет или усиливает экспрессию высказывания. То же самое можно сказать и о его русском эквиваленте, в котором компоненты НУ, И, ЖЕ в сочетании со словом СУМАСШЕДШИЙ являются теми средствами, которые выражают значение „очень“. И здесь при фонации высказывания могут быть использованы разные типы мелодических констпукций (место интонационного центра остается без изменения на слове СУМАСШЕДШИЙ), роль же их будет минимальной (Брызгунова, 1982). Неудивительно поэтому, что в переводах с чешского на русский в первую очередь прибегают к помощи предложений с преобладающей ролью лексико-синтаксических средств, т. е. чаще приходится наблюдать замену речевого фразеологизма оригинала речевым же фразеологизмом в языке перевода, хотя в устной речи этого же языка широко используются конструкции типа:

— — Какой человек! Человек! Таких днем с огнем не найдешь.

ИК-5 мы описали выше. ИК-6 характеризует восходящий тон на интонационном центре с незначительным удлинением гласного и тенденцией повышения тона на постцентральной части. Такого мелодического оформления чешский язык не знает. Часто поэтому на уровне устной речи приходится слышать реакцию, выраженную в форме вопросительного предложения (1-ая фраза):

— Jaký je to člověk?

Вторая фраза без предварительного объяснения эквивалента не находит. В письменной форме, несмотря на восклицательные знаки, но без авторской ремарки, также предлагаются неправильные эквиваленты. Вторая фраза чаще всего переводится вокативом — *Človče!* — с оттенком окрика.

Что касается предложений с синтаксическими фразеологизмами типа:

Да ну какой он врач! Да ну когда мне в театры ходить! Где уж там в теннис играть! и т. д., выражающими эмоциональное содержание сожаления, пренебрежения (презрения), раздражения (досады), то на чешский язык они также переводятся предложениями с синтаксическими фразеологизмами типа: *Kdepak on a doktor!* *Kdepak bych chodil do divadla!* *Jakýpak z něho bude doktor!* и т. д. Как в русском, так и в чешском такого рода высказывания используются очень широко и часто, но интонируются по-разному. В русском языке с интонационным центром на ударном гласном местоименного слова используется восходящая мелодия, которая прерывается смычкой голосовых связок в границах того же гласного:

Какой он доктор!

В чешском языке нет такого типа мелодии, поэтому высказывания подобного рода оформляются чешскими фоническими средствами — перенос интонационного центра на ДОКТОР с интенсивностью произношения ударного гласного при нисходящей мелодии:

Какой он доктор!

что не противоречит русскому значению, так как такое интонирование также возможно в русском языке.

1. 2. Эмоциональное содержание удивления, испуга или опасения с поддержкой авторской ремарки может выражаться разными типами высказывания при одинаковом интонировании

— Петя идет! — испуганно воскликнул Коля.

— Зачем он сюда идет? — также испуганно спросила Наташа.

Таким же образом реагирует на ту же ситуацию и чешский язык:

— Petr jde! polekaně vykřikl Kolja.

— Proč jde sem? také polekaně se zeptala Nataša.

В обоих языках выбирается конклюдивная каденция (в русском языке

ИК-2) с интонационным центром на ПЕТЯ и на ЗАЧЕМ с интенсивностью произношения на гласном в интонационном центре. В чешском языке вместо приведенного выше варианта с местоименным словом *proč* в функции выражения испуга чаще употребляется *Co tu chce?* с интонационным центром в конце высказывания, оформленного полукаденцией.

Следующую подгруппу образуют также разные типы высказывания, но уже оформленные и разными типами мелодии:

— Миша заболел. — Как заболел? — удивилась я.

— Заболел? — удивилась я.

В чешском языке в вопросительных предложениях с местоименными словами интонационный центр не ставится на вопросительном слове (*Grepř, Karlík, 1986, s. 64*). Только при выражении какого-нибудь эмоционального содержания интонационный центр переносится на местоименное слово. Однако вопреки ожиданию эквивалентом для русского удивления в первом случае будет чешское не *Jak onemocněl?*, а *Jak to, (že) onemocněl?* с интонационным центром на *Jak* или на *to* (к удивлению добавляется оттенок неожиданности) + конклюдивная каденция. При более экспрессивном варианте гласный интонационного центра произносится с интенсивностью. В связи с тематической позицией *onemocněl* в предполагаемой форме предложения *Jak onemocněl?* местоименное слово в нем становится тематическим по отношению к предыдущей информации *Miša onemocněl*. Однако в таком случае лексико-синтаксический состав с интонационным центром на *Jak* и нисходящей мелодией получает функцию вопроса, требующего ответа *Těžce* или *Nic vážného*. В русском языке вопросительные предложения с интонационным центром на КАК + глагольная форма всегда являются сигналом удивления или недоумения. Поэтому эквивалентом русскому

Как заболел? Как уехал?

будут чешские высказывания *Jak to, (že) onemocněl?*

Jak to, (že) odjel?

Второе высказывание, представленное вопросительным предложением без вопросительного слова и оформленное ИК-3, т. е. восходяще-нисходящим движением тона, причем релевантным для этого движения является резкое повышение тона на центральной части и резкое понижение на постцентральной части (в нашем примере это происходит в рамках ударного слога), действительно требует поддержки со стороны контекста или авторской ремарки. Без этого лексико-синтаксический состав с ИК-3

— Заболел? — имеет только функцию запроса о необходимой информации.

Эквивалентом русскому высказыванию со значением удивления в чешском языке будет та же форма лексико-синтаксического состава: глагол в прош. времени с вопросительным знаком в конце. Интонационным ти-

пом будет т. н. „полукаденция“. Для данного типа интонации характерна интенсивность в произношении ударного слога глагольной формы с тенденцией к низкому регистру и постепенное повышение на постцентральной части. Темп обычно замедляется.

— $\overline{\text{Заболел?}}$ — $\overline{\text{Onemocněl?}}$

Часто к отмеченному высказыванию добавляется частица *že*: *Že onemocněl?* Однако в данном случае к интонационному средству добавляется и лексическое.

II. Кроме лексических и лексико-синтаксических средств, помогающих определить эмоциональные отношения в письменной форме высказывания, писатели пользуются и богатой шкалой знаков препинания. Так, совместное написание вопросительного и восклицательного знаков в конце или в середине высказывания (?!) обозначает крайнюю степень недовольства, раздражения или удивления:

— Куда это ты идешь? — Куда я иду?! Еще спрашиваешь.
За хлебом иду. Ведь ты не купил.

Или вариант только с ! — Куда я иду! Еще спрашиваешь.

То же самое эмоциональное содержание может быть выражено в форме цитирования части вопроса, которая берется в кавычки и представлена двойным повторением вопроса, произносимым как одна синтагма с нисходящей мелодией в интонационном центре на втором ИДЕШЬ:

— Куда это ты идешь? — „Куда идешь, „куда идешь“ — Все-то тебе про меня знать нужно.

Оттенок передразнивания, насмешки также может передаваться формой цитирования (Арутюнова, 1986):

— Куда это ты идешь? — „Куда это ты идешь?“ Что это ты так вкрадчиво со мной разговаривать стал?

Многоточие, как принято о нем говорить, выражает не только незаконченность мысли. Часто писатели пользуются этим знаком препинания для того, чтобы на письме отразить состояние раздумья:

— Куда это ты идешь? — Куда я иду... Просто погулять вышел.

Неоднозначно воспринимался, а, следовательно, и переводился на чешский язык лексико-синтаксический материал приведенных речевых ситуаций с пунктуационным „комментированием“ (в скобках приводится неточный вариант):

Kam to jdeš? Kam jdu. Ještě se ptej! Pro chleba.

Vždyť jsi ho nekoupil.

(Kam (ty) jdeš? Kam jdeš?) (Kam asi? Ještě se ptáš.) (Kam bych šel? Ještě se ptej. (!))

Интересно, что показателем раздраженности в русском языке является первая фраза после вопроса. Поэтому она и заканчивается восклицательным знаком. В чешском языке носителем этого содержания является вторая фраза.

Kam to jdeš?

Kam jdeš, kam jdeš. Pořád to o mně musíš všechno vědět! (Copak o mně musíš všechno vědět?)

Показатель раздраженной передачи уже надоевшего вопроса — кавычки и повторение — переводится только формой повторения.

Kampak to jdeš?

Kampak to jdeš. Proč najednou mluvíš se mnou tak úlisně?

(Kam jdeš? Kam ty jdeš?)

(Co tak úlisně — „Kam ty jdeš?“).

В данном переводе чешский язык избегает пользования кавычками, как избыточным средством.

Kam to jdeš?

Kam vlastně jdu. Jen tak na procházku.
(Kam bych šel. Jen tak se projít. Nikam, jdu se jenom projít.)

Как видно из данного примера, чешский язык игнорирует многоточие как средство, комментирующее состояние раздумья, и выражает его лексико-синтаксическим материалом. Поэтому — в скобках — оригинал не совсем правильно был понят.

Итак, как показал анализ примеров, и при переводе письменного текста необходимо иметь в виду законы его интонирования, ибо, как сказал Павел Доминик в одном интервью:

„... jestliže jsem pod svou prací podepsaný, chci si za ni plně zodpovídat. Aspoň jsem si na to zvykl u knižních překladů. Důležitý je konečný tvar — a na něm také závisí hodnota mého profesionálního jména.“ (LN 1992, č. 5, příl. Národní 9, s. 2)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АРУТЮНОВА, Н. Д. 1986: Диалогическая цитация. Вопросы языкознания, No 1, с. 50 — 64.
- БРЫЗГУНОВА, Е. А. 1982: Коммуникативный анализ русской звучащей речи. In: Soviet-American Contributions to the Study and Teaching of Russian. Theory, Strategies and Tools. Russian Language Journal, XXXVI, No 125, s. 105 — 112.
- БРЫЗГУНОВА, Е. А. 1984: Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. Москва.
- ВЛАСЕНКО, Н. М. 1990: Изучение предложений со значением опасения на начальном этапе. In: Русский язык за рубежом, No 1, с. 28 — 31.
- GREPL, M., KARLÍK, P. 1986: Skladba spisovné češtiny, Praha.
- МУХАНОВ, И. Л. 1989: Жест и мимика в обучении эмоциональным интонациям. In: Русский язык за рубежом, No 2, с. 11 — 18.
- FLÍDROVÁ, H. 1989: Sociolingvistické a psychologické aspekty dialogu a polylogu v ruštině. Praha.
- ЧЕРЕМИСИНА, Н. В. 1989: Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. Москва.
- Mluvnice češtiny (1), 1986, ACADEMIA, Praha.
- Příručka ruského pravopisu, 1983, SPN, Praha.
- Русская грамматика I, II 1980, Наука, Москва.